

ЭТНИЧНОСТЬ КАК КОНТЕКСТ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Рогочая Г. П., Савва Е. В., Улько Е. В.

Рогочая Галина Петровна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: rogochayagr@rambler.ru

Савва Елена Владимировна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: Ev.savva@yandex.ru

Улько Елена Васильевна, Кубанский государственный университет, 350040,
г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: elulko@gmail.com

В статье рассматриваются: влияние этничности на психологические и социально-политические аспекты взаимодействия, воздействие этничности на восприятие конфликта, поведение в конфликте и технологии регулирования этнополитических конфликтов.

Медиация является примером процедурного подхода и новой социальной технологией, позволяющей выстраивать конструктивное взаимодействие сторон в конфликте с учетом культурных особенностей и ценностных ориентаций. В статье предлагается авторское определение этномедиации — процедуры урегулирования конфликтов, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами.

Иллюстрация этнически обусловленных различий, которые могут быть значимы при конфликтном взаимодействии и учтены при урегулировании конфликтов, в том числе и в процедуре медиации, представлены во фрагменте эмпирического исследования, основной целью которого было изучить специфику представлений абхазских и русских студентов о конфликтном взаимодействии в обыденных жизненных ситуациях. Методами исследования конфликтных установок и представлений респондентов об обыденных жизненных конфликтных ситуациях явились интервью, процедура оценки пословиц из абхазского и русского фольклора, стандартизированные методики: тест «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса, тест на оценку уровня конфликтности личности. Знание специфичности восприятия конфликтных ситуаций представителями различных этнических групп должно быть включено в разработку и проведение процедуры этномедиации.

Ключевые слова: этничность, этнополитический конфликт, психология конфликтного взаимодействия, медиация, этномедиация, восприятие конфликтных ситуаций.

Конфликтное взаимодействие является неотъемлемой частью современного мира и условием поиска моделей устойчивого развития любого общества. Поиск оптимальных способов конфликтного взаимодействия в современной России

усложнен и полидетерминирован рядом факторов. Многоукладность общества, разнообразие этнического и конфессионального состава, несформированная общегражданская идентичность, слабая культура правового регулирования отношений, наличие неинституционализированных регуляторов конфликтов позволяют определить проблему как значимую и актуальную.

В нашей работе мы выделяем область конфликтного взаимодействия людей с учетом этнообусловленных факторов. Исходя из понимания отсутствия методологического единства в подходах к пониманию этноса и этничности в современном научном мире, отметим потенциал различных научных концепций и теорий (примордиалистский, конструктивистский, инструменталистский, аксиологический и др.) для конструктивного анализа определенных проявлений этничности в конфликте. В нашей работе мы подходили к проблеме преимущественно в рамках онтологического подхода, предполагающего наличие этничности как некоторого начала, сохраняющего ментальные и поведенческие модели определенных этнических групп и имеющего свои проекции у отдельного индивида. Такой взгляд не отрицает тенденций развития и изменения этнических процессов и возможности целенаправленного конструирования определенных составляющих этничности.

Этничность может проявляться в разных формах и в конфликтах разных масштабов: от межличностных бытовых споров до государственных столкновений. Необходимость регулирования противоречий разного уровня требует усовершенствования общих подходов, методов и технологий. Одной из перспективных процедурных технологий является медиация — коммуникативная практика урегулирования споров с участием посредника (медиатора), находящаяся на стыке юриспруденции, конфликтологии и психологии. И если юридические аспекты медиации достаточно представлены в современных российских исследованиях, то конфликтологические и психологические стороны этой процедуры нуждаются в дальнейшей проработке. Среди многообразных областей применения медиации: семейная, школьная, бизнес-медиация — наименее изученной и стандартизированной является этномедиация. А. Д. Карпенко определяет этномедиацию на основании субъектов конфликта как медиацию в этнических, конфессиональных и межнациональных спорах (Карпенко, 2014). С нашей точки зрения, есть необходимость расширения предметной области этномедиации путем включения в неё этнообусловленных детерминирующих конфликт факторов и условий. Исходя из сказанного, мы определяем этномедиацию как процедуру урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами.

В представленной работе решается задача выделения различных социально-политических и психологических проявлений этничности в контексте конфликтного взаимодействия и доказательства значимости их учета в практике урегулирования

конфликтов. Другая задача — обосновать необходимость выделения этномедиации как специфической области медиации в практике урегулирования конфликтов, строящейся с учетом этнообусловленных ментальных репрезентаций, ценностных установок субъектов конфликтного взаимодействия. Усовершенствованию процедурных и технологических аспектов этномедиации могли бы способствовать исследования в области этнического аспекта конфликтного взаимодействия. В частности, исследовательский интерес представляет этнообусловленная специфика восприятия и интерпретации конфликтных ситуаций ее участниками. Результаты могут представлять интерес не только в этнической медиации, но и способствовать развитию культуры диалога в полиэтничном и поликонфессиональном обществе (Рогочая, 2017). Исследование диалоговых практик в контексте особенностей и специфики культурной этнической коммуникации необходимы для формирования базы для разработки процедур урегулирования конфликтов и предотвращения перерастания возникающих между людьми разногласий в широкомасштабные и разрушительные этнополитические конфликты.

Этнополитические конфликты несут в себе угрозу территориальной целостности государств, как правило, сопровождаются высоким уровнем насилия и провоцируют потоки вынужденной миграции. С точки зрения методологии исследования этнополитических конфликтов наиболее сложный вопрос связан с самим феноменом этничности. Данное понятие по праву рассматривается в качестве базового для исследования предпосылок, причин и путей предупреждения межэтнических конфликтов. В самой упрощенной форме вопрос стоит так: провоцирует ли этничность конфликты? В какой форме мы можем зафиксировать проявление этничности в конфликтном взаимодействии? Могут ли субъекты конфликтного взаимодействия при всей специфике этнической идентичности, ценностных ориентаций, сформированных в этнической культуре, находить способы эффективного взаимодействия в конфликте?

Из трех конкурирующих друг с другом парадигм этничности: примордиализма, инструментализма и конструктивизма — наибольшей популярностью в науке в настоящее время пользуется конструктивизм. Согласно данной теории, этничность создается не в результате творчества народных масс, а как результат выбора элит. Именно элиты (прежде всего гуманитарные элиты) формируют представления об этнических ценностях — нормах литературного языка, знаменательных датах в истории, прототипах идентичности и т.п. Но, признавая роль элит в формировании этнических границ, конструктивизм обходит стороной вопрос о причинах устойчивости данных границ.

Резко критикуемый своими оппонентами, примордиализм исходит из устойчивости этнических образований. Видный представитель данного направления Э. Смит обнаруживает прообразы этнических групп в верхнем неолите. В рамках данной теории, этнические группы связывает в единое целое чувство изначально присущей людям духовной близости (Смит, 2007).

Инструментализм же рассматривает этничность как инструмент, используемый элитами в борьбе за достижение узко утилитарных целей.

Г. В. Грошева отмечает наличие тенденции к снижению жесткого противостояния различных парадигм понимания этничности и признание большинством исследователей преимуществ интегрированного подхода, способствующего изучению разнообразных проявлений этничности (Грошева, 2006).

Для нас является значимым рассмотрение проекции этничности на уровень отдельного индивида, субъекта конфликтного взаимодействия и даже более конкретно — субъекта процесса медиации. В рамках многих направлений в качестве важнейшего маркера этничности называют этническую идентичность. Индивид обращается к своей этничности прежде всего в надежде обрести ту психологическую защиту, в которой нуждается современный человек в постоянно усложняющемся нестабильном мире. Человек через этническую идентичность выстраивает целостную картину мира, наполненную ценностями и смыслами, разделяемыми представителями его этнической группы. Таким образом, этничность может создавать для индивида иллюзию безопасности через присоединение к большой группе. Этим объясняется, например, так называемый этнический ренессанс современности — усиление восприятия этничности в условиях глобализации и информационного общества. Г. И. Мирский, иллюстрируя идеологию цивилизационного подхода, отмечает: «Когда рушатся все иные общественные ценности, именно этническая идентичность остается последним прибежищем, элементом приобщения личности к некоей общности, группе» (Мирский, 1997). Бертон относит к универсальным базовым потребностям «потребность в своей самобытности или национально-этнической идентичности», а также в «развитии собственного социокультурного потенциала» (Степанов, 2003, 118), которые можно обозначить как формы проявления этничности в конфликтном взаимодействии.

В этой связи необходимо уточнить ряд исследовательских подходов к трактовке этнического конфликта. В науке особое внимание уделяется изучению и теоретическому осмыслению того типа конфликтов, который характеризуется столкновением качественно различных ценностных ориентаций, обусловленных этнической спецификой в частности. В. А. Авксентьев и С. Н. Змиев, развивая идею «блокового конфликта» в исследовании этнических конфликтов, отмечают, что предметом «блокового конфликта» выступает реальное или мнимое представление субъекта конфликта об ущемлении его интересов. По их мнению, «этнизация конфликта, не имеющего под собой выраженной этнической основы — важный маркер блокового конфликта» (Авксентьев, Змиев, 2009). Такая позиция авторов соотносится с нашим подходом к определению предметной области этномедиации.

Р. Брубейкер также отмечает возможность исследования проявления этничности, этнического конфликта не только на уровне группы, но и на уровне отдельного субъекта конфликтного взаимодействия. «Она (этничность — авт.)

действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности — даже исследование этнического конфликта — не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом» (Брубейкер, 2012). Учет этнического фактора в любых видах коммуникации позволяет снизить возникающую напряженность между участниками и в ряде случаев предотвратить конфликтное взаимодействие.

Конфликтология выработала большой набор инструментов урегулирования конфликтного взаимодействия. Несмотря на существенные достижения в разработке и практике применения техник преодоления конфликтов, не все из них могут быть эффективными, когда речь идет о конфликтах ценностей, ярче всего проявляющихся в этнических и конфессиональных столкновениях. Зарекомендовавшие себя методики (Т-групповой подход, гражданская дипломатия, «дипломатия второго пути» и др.) (Степанов, 2003) могут быть эффективными лишь в том случае, когда стороны разделяют взгляды на универсальные общечеловеческие ценности.

Обращаясь к изложению способов регулирования конфликтов, отметим, что при всем их разнообразии эти способы можно свести к трем вариантам: силовой способ, формально-правовой способ и подход, основанный на взаимных уступках. Последний из указанных типов конфликтного взаимодействия становится возможным как между самостоятельно конфликтующими сторонами, так и с участием независимого посредника, например, психолога, медиатора и др. Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма конфликтного взаимодействия придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание и позволяет создать основу для последующего диалога.

Каждому из способов решения конфликтов соответствует определенная ценностная ориентация поведения и деятельности вовлеченных в них людей.

В основе своей конфликт ценностей — это не что иное, как столкновение различных «картин мира», различных типов идентичностей, имеющих в том числе и этнически обусловленную специфику. Поэтому в известном смысле разрешение многих конфликтов необходимым образом предполагает выход за пределы этничности, преодоление воздействия комплекса «мы — они». Этномедиация как одно из направлений медиации, является инструментом реализации данных идей, ищет решения между крайностями, способствует сближению позиций сторон на основе универсальных базовых ценностей.

В 2010 г. в России принят закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Согласно данному закону медиация базируется на следующих принципах:

- добровольность участия сторон; конфликтующие стороны участвуют в медиации добровольно и могут в любой момент выйти из процедуры;
- информированность сторон; важно проинформировать стороны о процедуре медиации, ее правовых последствиях;
- нейтральность медиатора; медиатор не принимает позицию ни одной из сторон, а лишь поддерживает стороны и их стремление разрешить конфликт;
- конфиденциальность процесса медиации; медиация носит конфиденциальный характер, в конфликтах, имеющих этническую специфику, зачастую это играет ключевую роль, поскольку «сохранение лица» крайне важно в этнических сообществах; содержание документов, используемых, в ходе медиации, не разглашается, за исключением информации, связанной с угрозой жизни;
- ответственность сторон и медиатора; медиатор не принимает решения вместо сторон, а лишь отвечает за безопасность участников на встрече и соблюдение процедуры; ответственность за результат медиации несут стороны конфликта, участвующие в медиации (Об альтернативной процедуре..., 2010).

Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма конфликтного взаимодействия придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание.

Понимая этномедиацию как процедуру урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами, отметим, что она позволяет найти компромисс между различными «картинами мира», сформированными в разных этносоциальных системах, без разрушения этнического своеобразия. В современном социокультурном пространстве России соприкасаются несколько цивилизационных парадигм, предполагающих различные когнитивные модели восприятия «картины мира»: премодерна, модерна и постмодерна. В каждой из указанных моделей этничность проявляется по-разному, и медиация, реализуя постмодернистский подход, позволяет осуществить принцип равенства каждой из систем ценностных ориентаций, представленных в данных когнитивных моделях. Учет этнических особенностей взаимодействия в конфликте при проведении медиации отвечает принципу «единства социальности и культуры». Медиация дает возможность перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога с участием независимого посредника. Именно медиатор-посредник обеспечивает соблюдение процедурного подхода при разрешении конфликтов и поддерживает конструктивную установку, ориентируя стороны на поиск взаимоприемлемых решений. Посредничество является наиболее мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта.

Медиация, и этномедиация в частности, как область практики в нашей стране находится на стадии становления. В связи с этим научные исследования данной

области недостаточно представлены. Наиболее концентрированно обзор актуальных направлений научных исследований в области медиации и развития медиативных практик был сделан А. Н. Островским. Автор указывает на два основных аспекта интеграции медиации в межкультурные отношения. Это прежде всего «использование медиации в интеграционных процессах экономических пространств, медиация в межкультурных, межэтнических, межконфессиональных конфликтах как способ урегулирования и способ превенции» и использование медиации и медиативного подхода как способа поддержания межкультурного диалога (Островский, 2017).

Для нас особый интерес представляют случаи применения медиации для урегулирования конфликтов, имеющих этническую составляющую. Это могут быть семейные конфликты с учетом этнической принадлежности членов семьи, ролью отца и матери в воспитании детей после развода. Эти роли, как правило, обусловлены традиционными этническими нормами. Некоторые предпринимательские конфликты социально-статусных отношений участников конфликтов связаны с различиями в использовании участниками конфликтов специфических договорных практик. В конфликтах с этническим компонентом встречаются моменты привлечение арбитров в лице старейшин к регулированию отношений и др. В работе с конфликтами подобного рода стоит существенная задача не только урегулирования конкретной текущей ситуации, но и проблема сохранения дальнейших отношений между всеми участниками. Данные противоречия, затрагивающие базисные ценности и установки человека, имеют высокий потенциал эскалации, нередко чреватые переходом в противоправные действия и даже могут носить криминальный характер. Примером тому являются случаи с передачей детей после развода в семью одного из родителей в соответствии с этническими нормами и вопреки правовым решениям или применение норм обыденного права при решении споров. Этномедиация призвана учитывать возможность данных негативных последствий и создавать условия конфликтующим сторонам для вступления в диалог и помогать не только договориться о приемлемых для них вариантах разрешения проблем, но и создать основу для восстановления дальнейших отношений всех участников конфликта. При необходимости речь может идти о возмещении причиненного вреда, возникшего в результате конфликтных или криминальных ситуаций, не имеющих тяжких последствий с учетом этнически приемлемых вариантов урегулирования споров. Результатом медиации могут стать действия, направленные не только на компенсацию причиненного вреда, но и на принесение извинений, прощение, искреннее стремление загладить вину не в принудительном порядке (по решению суда), а добровольно. Несомненно, указанные моменты сближают этномедиацию с практиками восстановительной медиации.

Несмотря на регламентированность самой процедуры медиации, важным является учет психологических моментов данного коммуникационного про-

цесса. При разрешении конфликтов с этнической составляющей да и в целом в межэтнической коммуникации существенную роль играет учет специфичности субъективных представлений участников конфликта о происходящих событиях.

Факторы, детерминирующие представление субъекта о конфликте, находятся в протяженном континууме от индивидуально-специфических (психологические особенности личности, её потребности, ведущие ценности, индивидуальный опыт и др.) до наиболее общих (принадлежность к определенным социальным, культурным и этническим группам) (Гришина, 2008). О наличии у представителей тех или иных этнических групп некоторых общих типичных моментов, так называемого разделенного знания, в характере понимания и интерпретации конфликтных ситуаций отмечают ряд исследователей этнообусловленной специфики восприятия и поведения личности в ситуациях конфликтного характера (Н. М. Лебедева, К. Лейнг, Д. Мацумото, В. Пирсон, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, К. Тинзли и др.). Выделенные на настоящий момент модели и интерпретационные схемы конфликтного взаимодействия в разных этнических группах трудно считать исчерпывающими, поскольку эта научная область располагает необъятным материалом для исследований (Мацумото, 2003; Стефаненко, 2009; Солдатова, 1998). Наиболее исследованными являются: специфичность содержания установок, субъективные представления членов этнокультурных групп, значимо включенных в конфликты определенного рода. В настоящее время, на наш взгляд, актуальным является разработка и изучение психологических моментов этнообусловленной специфики отношения людей к диалоговой практике, выявление особенностей готовности к участию в диалоге для урегулирования разногласий, исследование этнических традиций данных практик, выделение моделей поведения в данной ситуации и интерпретации.

Иллюстрация этнически обусловленных различий, которые могут быть значимы при конфликтном взаимодействии и учтены при урегулировании конфликтов, в том числе и в процедуре медиации, представлена во фрагменте нашего эмпирического исследования (Улько, 2010). Основная идея исследования состояла в выявлении этнокультурной обусловленности особенностей представления личности об обыденных конфликтных ситуациях и способах поведения в них. Изучение данной проблемы мы конкретизировали в задаче исследования специфики представлений абхазских и русских студентов о конфликтном взаимодействии в обыденных жизненных ситуациях. Базой исследования выступили студенты абхазской и русской национальностей, обучающиеся в Кубанском государственном университете (г. Краснодар). Всего на разных этапах в исследовании приняли участие 78 человек в возрасте от 18 до 22 лет (40 девушек, 38 юношей).

Для выявления особенностей представлений респондентов об обыденных жизненных конфликтных ситуациях, их сфер проявления и причин, поведенческих установок центральным методом исследования было проведение интервью.

Также использовали процедуру оценки респондентами пословиц из абхазского и русского фольклора (выбраны по десять абхазских и русских пословиц, содержащих разные установки, касающиеся конфликтов, конфликтного поведения и конфликтных отношений), которые просили оценить по пятибалльной шкале соответственно степени согласия с каждой из них. Были использованы стандартизированные методики: тест «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса, тест на оценку уровня конфликтности личности.

Обратимся к анализу наиболее значимых результатов исследования. Различия между выборками русских и абхазских студентов по уровню конфликтности личности и стратегиям поведения в конфликте в целом оказались незначительными. Выбор стратегии поведения в конфликте представлен следующими последовательностями в порядке убывания предпочтения (приведены средние баллы по отдельным шкалам): для русских студентов — компромисс (7,5), сотрудничество (6,3), агрессия (5,9), уступчивость (5,4), избегание (4,8); у абхазов — компромисс (7,7), сотрудничество (6,4), избегание (6,3), агрессия (6,1), уступчивость (3,9). Значимые различия проявились в характере использования так называемых пассивных стратегий. Абхазские студенты предпочитают избежать конфликта, а русские чаще склонны уступить. Есть основания интерпретировать данные результаты, скорее, как картину существующих у респондентов когнитивных составляющих установок, чем как собственно поведенческие стратегии. При делении групп на подгруппы по полу различия оказались более выраженными. По уровню конфликтности при сравнении средних значений в выборках русских (28,1 балла) и абхазских (28,8 балла) студентов значимых различий не выявлено, показатели в пределах среднего. При сравнении отдельно групп юношей и девушек выявлены более высокие показатели у юношей абхазов (29,8 балла) по сравнению с другими подвыборками ($p \leq 0,05$). Замечена тенденция к более сходным результатам у групп одного пола независимо от этнической принадлежности.

Наиболее яркие результаты были получены при анализе характера представлений об обыденных жизненных конфликтных ситуациях, полученные в ходе интервью и оценки пословиц. Отношение к конфликту как к неоднозначному явлению сходно в обеих сравниваемых группах («конфликт — это не очень, конечно, хорошо, но этого не надо пытаться избежать, это нормально», «и хорошо и плохо: без них отношения портятся — накапливается негатив, отношения разрушаются» и т.п.).

Существенным отличительным признаком ответов респондентов из сравниваемых групп является явно выраженная склонность абхазских студентов обоих полов при описании конкретных жизненных конфликтов опираться на типизацию ситуаций социального взаимодействия (19 из 20 чел.). Испытуемые продемонстрировали склонность вначале определить вид ситуации, а затем исходя из этого говорить о возможном способе поведения в ней. В частности,

они выделяют такие виды ситуаций как общение с людьми разного возраста, разного пола, разной степени родства, включенности в общие социальные группы (трудовые коллективы, дружеские и т.п.). Нередко обращение к необходимости учитывать мнение социального окружения, референтной группы. Например, на вопрос «Бывает так, что в споре вы стремитесь, чтобы последнее слово было за вами?» респондентка отвечает: «Да, это принципиально. С ровесниками, если я права, да даже если и неправы, то никогда не уступаю. Только в семье старшим я всегда уступаю, у нас вообще со старшими не бывает конфликтов». На вопрос «Во всех ли конфликтах вы ведете себя одинаково?» мы также получили ответы от абхазских респондентов, содержащие ремарку касательно социального характера ситуации. Они отмечали, что поведение в конфликте будет зависеть от ряда обстоятельств. Были выделены следующие группы факторов, влияющие на характер взаимодействия: характеристики оппонента (пол, возраст, наличие и степень родства, социальный статус и т.п.); место протекания конфликта (внутрисемейное пространство, место учебы, работы, неформальное взаимодействие разного вида, степень публичности и т.п.); характер социального мнения референтной группы об оппоненте; фактор приемлемости выбираемой респондентом позиции и формы поведения в конфликте для группы принадлежности (чаще всего указывались семья и этническая общность). Примеры высказываний абхазских студентов: «...если человек не хочет принимать мою позицию, я начинаю возмущаться. Старших это касается, конечно, гораздо меньше, чем равных мне по возрасту...» или «... это зависит от человека, если он мне не знаком и мне все равно какие между нами будут отношения, то я буду свою точку зрения отстаивать, а если близкий человек, то уступаю, конечно».

В ответах русских респондентов значительно реже встречаются ссылки на приведенные выше типизации социальных ситуаций. У подавляющей части респондентов (15 из 20 чел.) таких ремарок не встречается вовсе. Респонденты этой группы ссылаются в большинстве случаев на индивидуально-специфические особенности ситуации взаимодействия и личности оппонента. Потенциальная готовность к действию в ситуации конфликта меняется преимущественно в связи с этими обстоятельствами. Ответ на вопрос «В каких ситуациях вы не пойдете на конфликт?» у русских девушек включает оценку, интерпретацию поведения и личности оппонента, которая часто содержит отражение характера складывающихся отношений и сравнение с собой: «Если попытки довести меня жалкие, детские», «Когда человек слабее меня, а если сильнее, то запросто». У русских юношей готовность к действию в конфликтной ситуации меняется в зависимости от интерпретации ими своей ресурсности и возможности достижения цели (7 из 10 чел.). Например, на вопрос «В каких ситуациях вы не пойдете на конфликт?» русские юноши отвечают: «Если мне не выгодно, то не пойду» или «Вопрос в том, что я буду с этой ситуации иметь». В группу респондентов, выделяющих типизацию ситуаций, вошли преимущественно юноши. Они выделяют такие виды, как конфликты со сверстниками, с представителями своего

либо противоположного пола. Для девушек выделяемым типом социальных ситуаций является борьба за ресурсы. Для них она представляется наиболее типичной, определяемой, влекущей за собой в значительной мере рефлексивное и гибкое поведение.

При выяснении вопроса, как респонденты представляют специфику конфликтов у представителей своей и чужой этнических групп были получены содержательно разнородные высказывания среди как абхазских, так и русских студентов. Представления студентов сходны в плане осознания наличия различий между группами, но не в плане содержания этих различий.

Обозначенные особенности интерпретации конфликтных ситуаций представителями студенческой молодежи данных этнических групп свидетельствуют о наличии некоторых общих моментов их взглядов и определенной специфичности.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить ряд особенностей представлений об обыденных конфликтных ситуациях у абхазских и русских студентов. Основной вывод касается склонности представителей абхазской группы к типизации социальных ситуаций взаимодействия, предполагающей относительно каждого вида определенную интерпретационную схему и включенный в неё нормативный способ поведения в конфликте. Данные показатели соотносятся с понятием вербального стиля (Лебедева, 1999). Субъекты с доминированием личностного стиля ставят в центр общения конкретного индивида, а с ситуационным — его роль. Наше исследование позволяет фиксировать преобладание ситуационного стиля для абхазской выборки и личностного — для русской.

Привлекая к анализу представлений параметр пола респондентов, мы имеем возможность формировать более яркую и выразительную картину отличий. В таком ракурсе по ряду показателей интерпретации конфликтных ситуаций у представителей одного пола оказываются более близкими, чем при сравнении с представителями противоположного пола внутри своей этнической группы. Данные выводы позволяют говорить о конкурирующей роли факторов принадлежности личности к гендерной и этнической группам в детерминации специфики её представлений об обыденных конфликтных ситуациях. При выстраивании диалога между представителями данных групп имеет смысл ориентироваться на выделенное своеобразие и учитывать полученную информацию при организации эффективной коммуникации вообще и в процессе медиации в частности.

Дальнейшее изучение психологических аспектов коммуникации в этнокультурном взаимодействии позволит усовершенствовать медиативную процедуру урегулирования конфликтов с учетом этнического своеобразия участников и будет способствовать становлению института этномедиации в России. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что медиация является не только инструментом разрешения этнических конфликтов, но и способствует развитию культуры межэтнического диалога.

О необходимости использования медиации в целях обеспечения стабильности и устойчивости российского государства, укрепления межнационального согласия и внедрения диалоговой культуры в обыденную практику регулирования конфликтов говорилось в рамках научно-практической конференции Общественной палаты Российской Федерации «Этнорелигиозная медиация — важный инструмент в едином комплексе укрепления устойчивых межнациональных и межрелигиозных отношений в России». (Общественная Палата..., 2017). На сегодняшний день теоретическое осмысление этнических особенностей медиации недостаточно концептуализировано. Теоретические разработки в области этномедиации скорее обобщают опыт прикладных исследований, нежели формируют теоретические концепты. Дальнейшее изучение социально-политических и психологических аспектов конфликтного взаимодействия может идти по пути углубления понимания диалоговых практик в этнокоммуникации.

Библиографический список

1. Авксентьев, В. А., Змиев, С. Н. (2009). Блоковые конфликты: к проблеме методологии. В *Этнические проблемы современности. Вып. 14* (с. 108). Ставрополь.
2. Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. Москва.
3. Гришина, Н. В. (2008). *Психология конфликта*. Санкт-Петербург.
4. Грошева, Г. В. (2006). Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе. *Вестник ТГПУ*, (1), 104–110.
5. Карпенко, А. Д. (ред.). (2014). *Примирительные процедуры в суде: коллективная монография*. Санкт-Петербург.
6. Лебедева, Н. М. (1999). *Введение в этническую и кросс-культурную психологию*. Москва.
7. Мацумото, Д. (ред.). (2003). *Психология и культура*. Санкт-Петербург.
8. Мирский, Г. И. (1997). Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах. *Мировая экономика и международные отношения*, (2), 12–22.
9. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации). Федеральный Закон № 193-ФЗ от 27.07.2010. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
10. Общественная палата РФ. (2017). Режим доступа <https://www.oprf.ru/>
11. Островский, А. Н. (2017). Актуальные направления научных исследований в области медиации и развития медиативных практик (обзор материалов научно-практической конференции «Медиация: теория, практика, перспективы развития» 13–14 апреля 2017 г., г. Москва). *Вестник Федерального института медиации*, (2), 10–21.
12. Рогочая, Г. П. (2017). Медиация в урегулировании конфликтов идентичностей. В А. Г. Большаков, Т. З. Мансуров (ред.) *Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления* (с. 456–466). Казань.
13. Смит, Д. (2007). Причины и тенденции вооруженных конфликтов. В М. Фишер и др.; В. Тишков, М. Устинова (ред.); Л. Зимица, Н. Кулакова (пер.) *Этнополитический*

- конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра* (с. 126–127). Москва.
14. Солдатова, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. Москва.
 15. Степанов, Е. И. (ред.). (2003). *Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*. Москва.
 16. Стефаненко, Т. Г. (2009). *Этнопсихология*. Москва.
 17. Улько, Е. В. (2010). Представления личности о конфликтных отношениях в обыденных ситуациях: этнокультурный аспект. В А.А. Салагаев, В.М. Ловчев, А.В. Лучшева (ред.) *Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества: материалы III международного конгресса конфликтологов (Казань, 23–25 сентября 2010 г.)* (с. 412–418). Т. 2. Казань.

Статья поступила в редакцию 17.11.2017.

.....

ETHNICITY AS A CONTEXT OF CONFLICT INTERACTION: PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-POLITICAL ASPECTS

Rogochaya G. P., Savva E. V., Ulko E. V.

Rogochaya Galina Petrovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: rogochayagp@rambler.ru

Savva Elena Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: Ev.savva@yandex.ru

Ulko Elena Vasil'evna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar,
Stavropolskaya Str., 149.

E-mail: elulko@gmail.com

The article examines the ethnicity on the psychological and socio-political aspects of interaction, the impact of ethnicity on the perception of conflict, behaviour in conflict and the technology of regulating conflicts. From the point of view of methodology, researching ethnopolitical conflicts between the three competing a paradigms of ethnicity: instrumentalism, and constructivism, and primordialism a crucial marker of ethnicity are called ethnic identity. Mediation is an example of a procedural approach and a new social technology to build a constructive interaction between the parties to the conflict, taking into account the cultural characteristics and value orientations. The article offers the author's definition ethnomediation as a procedure for resolving conflicts when at least one of the conflicting parties creates its own requirements, guided ethnic attitudes, values and stereotypes. The methods of research of conflict perceptions of respondents about the ordinary life situations of conflict was the interview, the evaluation procedure of Proverbs from the Abkhaz and Russian folklore, standardized methodology: test "strategy of behavior in conflict" by K. Thomas, the test for the assessment of the level of conflict of personality. The knowledge of the specificity of perception of conflict situations representatives of various ethnic groups should be included in the design and procedure of ethnomediation. Without the development of the ethics of dialogue given the ethnic aspect of the communications will always remain the threat of escalation can occur between people of differences in ethnic and ethnopolitical conflicts.

Keywords: Ethnicity, ethno-political conflict, psychology of conflict interaction, mediation, ethnomedicine, the perception of conflict situations.

References

1. Avksent'ev, V. A., Zmiev, S. N. (2009). Blokovye konflikty: k probleme metodologii [Block Conflicts: The Problem of Methodology]. In *Etnicheskie problemy sovremenosti. Vyp. 14* [Contemporary Ethnic Problems. Vol. 14] (p. 108). Stavropol.
2. Brubaker, R. (2012). *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow.
3. Civic Chamber of the Russian Federation. (2017). Retrieved from <https://www.oprf.ru/>
4. Grishina, N. (2008). *The Psychology of Conflict*. St. Petersburg.
5. Grosheva, G. V. (2006). Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse [Categories of Ethnos and Ethnicity in a Modern Scientific Discourse]. *Vestnik TGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], (1), 104–110.
6. Karpenko, A. D. (Ed.) (2014). *Primiritel'nye protsedury v sude: kollektivnaya monografiya* [Conciliatory Procedures in Court: Collective Monograph]. St. Petersburg.
7. Lebedeva, N. M. (1999). *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Moscow.
8. Matsumoto, D. (Ed.). (2003). *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. St. Petersburg.
9. Mirskiy, G. I. (1997). Eshche raz o raspade SSSR i etnicheskikh konfliktakh [Once Again About the Collapse of The USSR and The Ethnic Conflicts]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], (2), 12–22.
10. Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii) [About The Alternative Procedure of Settlement of Disputes with Participation of the Intermediary (The Procedure of Mediation)]. Federal Law No. 193-FZ (27.07.2010). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/
11. Ostrovskiy, A. N. (2017). Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy v oblasti mediatsii i razvitiya mediativnykh praktik (obzor materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii "Mediatsiya: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya" 13–14 aprelya 2017 g., g. Moskva) [Acute Topics of Research About Mediation and Mediation Practices (Review of Materials of Scientific and Practical Conference "Mediation: Theory, Practice, Prospects Developments", Taken Place on April 13–14, 2017 in Moscow)]. *Vestnik Federal'nogo instituta mediatsii* [Bulletin of Federal Institute of Mediation], (2), 10–21.
12. Rogochaya, G. P. (2017). Mediatsiya v uregulirovanii konfliktov identichnostey [Mediation in Settlement of the Conflicts of Identities]. In A. G. Bol'shakov, T. Z. Mansurov (Eds.) *Vneshnie i vnutrennie regional'nye konflikty v sovremennom obshchestve: tendentsii razvitiya i vozmozhnosti upravleniya* [External and Internal Regional Conflicts in Modern Society: Tendencies of Development and Possibility of Management] (pp. 456–466). Kazan.
13. Smith, D. (2007). Prichiny i tendentsii vooruzhennykh konfliktov [Trends and Causes of Armed Conflict]. In M. Fisher, etc.; V. Tishkov, M. Ustinova (Eds.); L. Zimina, N. Kulakova (transl.) *Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: nastol'naya kniga Bergkhovskogo tsentra* [Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook] (pp. 126–127). Moscow.
14. Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of Interethnic Tension]. Moscow.
15. Stefanenko, T. G. (2009). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow.

16. Stepanov, E. I. (Ed.). (2003). *Sotsial'nye konflikty: ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologii razresheniya* [Social Conflicts: Examination, Forecasting, Technologies of the Decision]. Moscow.
17. Ul'ko, E. V. (2010). Predstavleniya lichnosti o konfliktnykh otnosheniyakh v obydennykh situatsiyakh: etnokul'turnyy aspekt [Ideas of the Personality of the Conflict Relations in Ordinary Situations: Ethnocultural Aspect]. In A.L. Salagaev, V.M. Lovchev, L. V. Luchsheva (Eds.) *Rol' konfliktologii v obespechenii sotrudnichestva gosudarstva, biznesa i grazhdanskogo obshchestva: materialy III mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov (Kazan', 23–25 sentyabrya 2010 g.)* [A Conflictology Role in Ensuring Cooperation of the State, Business and Civil Society: Materials of The Third International Congress of Conflictology (Kazan, September 23–25, 2010)] (pp. 412–418). Vol. 2. Kazan.